

Геннадий Гацура

Пьеса

“С Новым годом, Россия!”

Веселое представление с цыганами, плясками,
и множественными вариантами финала.

Действующие лица:

Директор магазина – антиквар Михаил Елизарович, грустный мужчина лет пятидесяти пяти, с начинающей седеть бородой. Судя по тому, как он воспринимает свалившееся на него несчастье, – еврей, с вытекающими отсюда последствиями.

Марина – продавщица, его помощница, молоденькая девушка.

Старик и Старушка – комитенты.

Герман – писатель-журналист блещущий познаниями в истории искусства и антиквариата, слегка «пофигист и циник».

Лариса – знакомая Германа. Вся из себя, в короткой дубленке.

Новый русский – хорошо и богато одет.

Депутат – одет не хуже *Нового русского* и не дешевле, чем Владимир Жириновский. Боюсь, что театрам с малым бюджетом, эту пьесу не потянуть. Даже, если продадут еще и стулья в зрительном зале, хватит только на пиджак *Депутату*.

Соловьев – приятель *Нового русского*.

Цыгане – с гитарой и скрипкой. Приводит Соловьев.

Иностранец – коллекционер. Довольно прилично, с небольшим акцентом, говорит по-русски. Приводит Соловьев.

Главарь бандитов.

Помощник главаря.

Бандиты.

Официанты.

Девушки Нового русского.

Перекупщик антиквариата.

Гости вечеринки.

ПЬЕСА.

1. Сцена первая.

Время действия – 31 декабря, последний день Старого года. Место действия – антикварный магазин. Он завален всевозможным старьем – мебелью, картинами, немецкими касками времен Второй мировой войны, красными выпелами и знаменами, рыцарскими доспехами, мечами, иконами, крестами. Здесь прекрасная антикварная вещь соседствует с отвратительной подделкой.

Посетителей мало. Это *Новый русский*, *Депутат*, *Перекупщик*, прилично одетые *Старик* и *Старушка*. У каждого в руках пакет или сумка с праздничными подарками или продуктами. Они лениво проходятся вдоль витрин, возможно выбирая новогодние презенты.

За стеклянным прилавком, забитым всяким хламом, *Директор* магазина делает внушение молоденькой продавщице *Марине*.

Директор. Пойми, нас не должно волновать, как одет и как себя ведет посетитель, это же не какой-нибудь новомодный "бутик". Здесь антикварный магазин. Тебе к любому клиенту нужно найти свой подход.

Марина. Но он пытался, всучить мне несколько тысячных купюр евро.

Директор. Ну и что?

Марина. Я слышала, что тысячные купюры не ходят по рукам. И я его отправила менять деньги в банк.

Директор. В твоей курчавой головке все спуталось. Это тысячедолларовые бумажки по рукам не ходят, а евро – ходят, и довольно шустро.

Марина. Все равно, он был такой странный, и одет как последний нищий.

Директор. Бог ты мой! (*Всплескивает руками*). Ты здесь без году неделю работаешь, но со временем поймешь, что пословицу о том, что людей надо встречать по одежке, придумал не самый умный человек. Ты только что выгнала одного из богатейших коллекционеров города. "Новые русские" миллионеры ему и в подметки не годятся. А то, как он так одевается, так это его прихоть. Мне еще долго придется заглаживать перед ним твою оплошность. Впрочем, мне обещали поднести одну безделушку, она как раз по его теме. Позвоню ему завтра, поздравлю с Новым годом, заодно предложу ее. Правда, придется немного уступить, но, надеюсь, мне удастся с ним помириться.

Старик со *Старушкой* подходят к прилавку, за которым стоит *Директор* магазина.

Старушка (*достаёт из сумочки дюжину серебряных вилок*). Мы хотели бы их продать. В последнее время у нас редко собираются гости, и они нам за ненадобностью.

Директор (*рассматривает их*). Боюсь, что я ничем не смогу вам помочь. Они с монограммами, у нас такие не покупают. Смотрите (*показывает на прилавок*), сколько лежит, годами. Могу взять только как лом. Или предложите в другом магазине.

Старушка (явно расстроенная, убирает столовые приборы назад в сумку). Хорошо, попробуем сдать в другом месте.

Входная дверь распахивается, и в магазин входят мужчина и женщина в короткой шубке. Это **Герман** и **Лариса**. Они стряхивают с одежды снег.

Герман (расстегивая куртку). Ну и погодка разыгралась. Но в этом тихом и неподвластном времени уголке, мы можем слегка переждать непогоду и немного согреться.

Лариса (оглядываясь). Как здесь интересно. Столько старья. Настоящая барахолка.

Герман (сняв меховую шапку и отряхивая с нее снег). Это точно. Люблю я такие места. Только здесь воочию можно убедиться в неистощимости человеческой фантазии, и понять, сколько же еще есть в мире вещей, без которых я могу спокойно обойтись.

Лариса (проходит вместе с **Германом** вдоль полок с антиквариатом, которые могут представлять собой вращающиеся панели с нарисованными картинами, иконами, предметами, и останавливается рядом со сверкающей лампой). Смотри, какая шикарная вещь! Древняя, наверное...

Герман. Увы! Не все золото что блестит. Вся ценность сей лампы только в том, что какой-то слесарь-сантехник, проявив чуточку фантазии, собрал ее из деталей сломанного самовара и обрезка водопроводной трубы, да надраил до блеска.

Лариса (удивленно). А зачем же ее здесь выставили?

Герман. Всегда на такую вещь найдется какой-нибудь лох из новых русских. Они на блестящее хорошо идут. Впрочем, не мне, рассказывать женщине, на что они клюют. По-моему, даже не сатирики и правоохранительные органы, а именно женский пол первым заинтересовался этой новой разновидностью «хомо вульгариуса», и довольно неплохо его изучил. Я сужу по блондинкам с огромными «золотыми блеснами» в ушах, разъезжающих в шикарных автомобилях, и по ценам на женские шубки в меховых салонах.

Лариса и **Герман** проходят по торговому залу и подходят к прилавку, за которым **Директор** магазина и **Перекупщик** торгуются за какую-то фигурку.

Перекупщик. Да я хозяину в два раза больше заплатил, чем вы предлагаете.

Директор. Не знаю, не знаю. Сейчас не особенно хорошее время для подобных вещей. Да это и не совсем тот период, о котором мы с вами говорили. Не стоит она этого.

Герман. Здравствуйте **Михаил Елизарович**. (Здоровается за руку с заведующим, кивает головой перекупщику и сходу вступает в разговор между ними). Правильно, так их, молодежь учить надо. В школе историю проспали, умные книжки читать не хотят, а в антиквариат лезут. Как новогодняя торговля? Не уступает?

Директор. А, ладно... (лениво отмахивается рукой.)

Герман. Еще в царские времена был анекдот на эту тему. В антикварную лавочку приходит интеллигент и предлагает старому еврею картину. Тот осматривает ее со всех сторон и говорит:

«Могу дать двадцать». «Да вы что, - возмущенно восклицает интеллигент, - я же, на прошлой неделе, дал вам за нее сто рублей!» «Ну, и сколько вы, теперь, согласны на ней потерять?»

Перекупщик. Грустный анекдот...

Герман (отходит, и, не обращая внимания на окружающих, а возможно и «работая на публику», с таким легким налетом цинизма, продолжает рассказывать своей спутнице разные байки об антиквариате). Для меня каждая антикварная вещь интересна не только, как произведение искусства определенного периода и мастера или вложение капитала, но и как, нечто несущее энергию предыдущих своих владельцев. Самое интересное, но многие считают, что не имеет значения, кем был владелец - злодеем, гением или святым. Прекрасная вещь, пройдя испытание временем и не тронутая даже варварами или солдатами во время последних войн, очищает себя сама, оставляя лишь чистую энергию прежних хозяев. (Подходит к креслу-трону). Вот возьмем, к примеру, этот трон какого-то курфюрста¹. Скорее всего хозяин заказал его, когда был в силах, когда у него были деньги, земли и власть. И вот эта сила, частично перешедшая в это кресло, может питать энергией своей нового хозяина. Попробуй присесть.

Лариса садится в кресло.

Герман. Расправь плечи, положи руки на подлокотники. Чувствуешь энергию, что вливается в тебя?

Лариса (пудобней устроившись в кресле, кивает головой). Да, что-то в твоей теории есть.

Герман. Что еще мне нравится в антиквариате, так это то, как формируется цена антикварного предмета. За сколько один коллекционер может «впарить» ее другому. И как, переходя из рук в руки, растет в определенных кругах стоимость, на первый взгляд совершенно бесполезной в обиходе, вещи. И так происходит со многим в этом мире.

Герман снимает со стены гитару и проводит пальцем по струнам...

2. Вторая сцена.

Дверь распаивается, и в магазин входят несколько человек. Среди них выделяется мужчина в длинном черном пальто. Рубашка, галстук и длинный шарф, все подобранно в тон, все подчеркивают его элегантность. Это - главарь. Трое остальных бандитов в черных кожаных куртках и перчатках. Их массивные золотые цепи на шеях не дают усомниться в их профессии.

Главарь направляется к прилавку, за которым стоит *Директор* магазина.

Главарь (угрожающе антиквару). Мы тебя предупреждали... Вчера был последний день. Мы прикрываем вашу лавочку, пока твой хозяин не расплатится с нами. (Оборачивается к своим коллегам). Закройте магазин, а всю эту публику - в подвал.

¹ Курфюрсты (нем.) - Князья-избиратели, члены германского союза, имевшие до 1806 г. право на избрание германского императора.

Один из бандитов закрывает входную дверь на огромный засов и, сложив руки на груди, прислоняется к косяку, двое других начинают стонать в кучу посетителей. Здесь *Новый русский, Депутат, Герман, Лариса, Перекущик, Старик и Старушка*. Все они начинают возмущаться, обращаясь, в основном, к директору магазина.

Депутат. Да что это такое?

Старушка. Кто они такие?

Лариса. Да как они могут?

Директор на редкость невозмутим. Он воспринимает все как должное и вместе с продавщицей молча присоединяется к посетителям.

Депутат. Эй, ребята, вы что, да я свой. Я депутат...

Помощник главара (подталкивая его вместе со всеми к двери в подвал). Давай, давай! Это у себя в Думе ты депутат, а здесь делай, что говорят.

Старушка. Да как вам не стыдно?

Новый русский. У меня самолет. Дайте позвонить.

Перекущик. Меня жена дома ждет.

Лариса. А меня – муж! (Обращается к Герману). Да сделайте что-нибудь.

Герман (главарю). Что вы себе позволяете? Я, между прочим, представитель прессы. И я...

Главарь (громко, перекрывая шум голосов). Всем тихо! Никто здесь не собирается вас грабить и убивать. Если сами не напроситесь. Владелец магазина задолжал моему хозяину за аренду помещения круглую сумму. Вчера был последний день выплаты. Как только он внесет деньги, вы – свободны. Если думаете, что нам тут в кайф с вами сидеть в Новогоднюю ночь, то вы ошибаетесь. И, еще! (Обводит суровым взглядом заложников). Любой шум со стороны кого-либо из вас будет сурово караться. Так что, давайте сюда свои мобильные телефоны, сидите тихо и ждите, пока не отпустят. Все!

Заложники уже безропотно складывают свои телефоны в коробку из-под обуви. Бандиты заталкивают одного за другим посетителей и сотрудников магазина в подвальную дверь.

На сцене гаснет свет.

3. Сцена.

Под покровом темноты щиты, на которых нарисован интерьер торгового зала магазина и висят картины, поворачиваются и теперь на них интерьер подвала, где сложены и свалены различные антикварные предметы по каким-либо причинам не выставленные в торговом зале.

(Автор пьесы может выступить и в роли художника-постановщика).

Голоса в темноте.

Антиквар. Здесь лестница, осторожней!

Лариса. Я ничего не вижу. Есть здесь свет?..

Антиквар. Сейчас я попробую найти выключатель.

Лариса. Боже, как здесь темно. Ой, что это такое? Тут, наверное, живут огромные крысы. Мне страшно.

Герман. Держитесь за меня. Сейчас будет свет.

Вспыхивает свет и все облегченно вздыхают. Полутемное подвальное помещение, в котором оказываются герои, завалено различными антикварными вещами принадлежащим разным эпохам от раннего барокко до позднего социализма – картинами, знаменами, вымпелами, портретами, мебелью и т.д. Все это как бы иллюстрирует историю России. Здесь еще большее смешение эпох и стилей, чем наверху.

Заложники подавлены, нервничают и разобщены. Каждый молча находит себе кресло, стул, рассаживаются в разных частях сцены. Старички сели рядом, мужчина держит ее руку в своей и молча наблюдает, как *Новый русский* мечется по сцене.

Новый русский. Надо срочно найти выход из этой ситуации.

Директор. Да вы успокойтесь, все будет хорошо. Хозяин скоро придет и заплатит, а нас выпустят.

Новый русский. Вот черт! Это же надо было так вляпаться! Да еще сегодня!

Герман. И почему только сегодня?

Новый русский. Да, потому, что у меня билеты на самолет! Машину вызвал, зашел сюда, чтобы не мерзнуть. Я через несколько часов должен быть в Лондоне. Меня люди ждут, женщина. (Пауза). Маразм российский!

Перекупщик (грустно). Ну, это все же лучше, чем в метро взорваться.

Новый русский. Да, точно, давно надо было валить из этой России в Лондон.

Перекупщик. А вы думаете, в Лондоне террористов нет и нельзя в метро взорваться?

Новый русский (резко повернувшись к *Перекупщику*). Да не езжу я на метро!

Депутат. А может, следовало бы покататься, с народом поближе познакомиться...

Новый русский (грубо). Вот кто бы говорил об этом, только не «народные избранники»! (Заглядывает за щиты). Просто не может быть, что бы отсюда нельзя было выбраться. Вы, просто, не хотите найти этот выход. Вам удобней сидеть здесь и ничего не делать.

Директор. Возможно, вы и правы. Но если бы вам было столько лет, сколько мне, вы бы знали, что в нашей стране любая инициатива наказуема. Впрочем, с вашим характером, вы вряд ли бы смогли дожить до моих лет.

Новый русский. Да я и не желаю жить как вы, на уровне белковых молекул. Я сейчас вылезу и черта с два скажу кому-нибудь, что в этой дыре происходит. Сидите здесь хоть до конца следующего века.

Директор. Эх, молодо зелено. Хотя, я жил в другое время. Мне бы сейчас ваши года, возможно, я был бы и покруче вас.

Новый русский. Да дай вам мои года, вы так же бездарно их просидели бы в этом магазине. Не время делает человека, а

человек лепит его под себя и свой размер. Вот вы, и ваше поколение обывателей и вылепили себе крысиную норку.

Старик. Вы зря так говорите, молодой человек, мы подняли из послевоенных руин страну, создали огромные предприятия, первыми запустили в космос человека.

Новый русский. Вы запустили не только человека, но и сельское хозяйство. А еще больше порушили, и не только церковей. Кстати, и за бугром создали и построили после войны не меньше, а то и больше, чем вы. Взять хотя бы Японию. Впрочем, о чем я тут с вами говорю? Одни пишут свои сценарии и управляют ситуацией, другие настолько ленивы и инфантильны, что предпочитают, чтобы роли писали за них. Нельзя так жить! Вы это понимаете?!

Директор. Давайте не будем кричать, и злить тех, кто наверху.

И как бы в подтверждение его слов дверь в подвал приоткрывается, в светлом проеме появляется черный силуэт бандита.

Помощник главаря. А ну, козлы, потише! А то сейчас пристрелим парочку, мигом успокоитесь!

Новый русский, наконец, прекратил расхаживать по сцене и присел на один из стульев.

Директор (переходя почти на шепот). Ну, вот, что я говорил.

Лариса. Действительно, давайте прекратим ругаться, надо подумать, как отсюда выбраться. Может, сообщить в милицию?

Депутат. Нет, только не в милицию. Черт, я свой второй мобильник в машине оставил.

Герман. Да, туда лучше не звонить. Начнут штурмовать магазин, а сегодня – праздник, все пьяные. Да они нас всех здесь, в порыве усердия, перестреляют вместе с бандитами.

Перекупщик. Или газом потравят как в Норд-Осте.

Марина. Лучше подождать, возможно, все и так образуется, тем более, что бандиты обещали, что нас не тронут.

Депутат. Нашли, кому верить.

Лариса. Уж не вам ли верить? Мне надо позвонить домой, у меня, наверное, уже мать с мужем с ума сходят. Герман, у тебя есть телефон, ты же им не сдавал.

Герман. Считаю, что нет. (Вынимает из кармана телефон и бросает взгляд на дисплей). Еще утром батарея сдохла. Вчера забыл подзарядить.

Депутат (задумчиво). Все равно, у меня хуже всех ситуация. Жена думает, что я еще на прошлой неделе уехал в командировку во Владивосток. Не хотелось бы ей попасться под горячую руку, после того как она узнает из новостей, что я все это время находился в Москве.

Новый русский (вскакивает со стула и вновь начинает метаться по сцене). Нет, надо что-то делать, нельзя просто так сидеть и ждать, как бараны на бойне. У меня самолет через пару часов. Черт, откуда это дует? (Откидывает какой-то планшет с плакатом и

обращается к Директору, показывая на дверцу, которую прикрывал плакат). А это что такое? Куда он выходит?

Директор. Да это люк строители проделали и забыли заложить. Выходит на соседнюю улицу.

Новый русский. Отлично! А ключ от замка у вас есть? Или ломать придется?

Директор. Должен быть (достаёт из кармана связку ключей), да толку от этого мало, люк, скорее всего, снегом завалило.

Новый русский (берет протянутый антикваром ключ). Ну, это не самое страшное. Мне как-то пришлось от моих кредиторов по балконам с двенадцатого этажа уходить.

Марина. А если бандиты рассердятся. Вы же слышали, у них есть оружие.

Новый русский (открывает люк и выглядывает наружу). Никого нет. Проход открыт, кто со мной? Давайте, уходим, мы свободны.

Никто из присутствующих не делает даже движения в сторону люка. Большинство опустило глаза, изучая степень сохранности своей обуви.

Лариса. А если они нас там поджидают? Может, и вам не стоит? Нам всем из-за вас будет только хуже.

Новый русский. Не будет. Я свой бизнес в России еще при коммунистах открыл, так что мне уже ничего не страшно. Тем более что у меня давно адреналина не хватает в крови. Так кто-то идет со мной? (Оглядывает смущенные лица заложников, но все молчат, стараясь не встречаться с ним взглядом). Как хотите, я пошел. Не забудьте за мной закрыть дверь.

Он исчезает в люке. Депутат тут же встает, закрывает за ним на защелку люк и прикрывает его плакатом. Едва он это делает, как на улице раздаются громкие хлопки. Все застывают, прислушиваясь.

4. Сцена четвертая.

Лариса. Ну, вот, застрелили мужика, а он мне даже начал немного нравиться.

Герман (прислушиваясь). Да нет, это скорее звуки хлопушек или петард. Народ веселится. Новый год все-таки!

Лариса. А мы что мы здесь сидим и ничего не делаем, дожидаемся пока нас, как и его...

Марина. Они же обещали нас не трогать.

Лариса. Обещали, как же. Надо было всем вместе уходить. И почему ни один из нас не догадался попросить его сообщить в милицию?

Депутат. Нет, нет, только не в милицию. Мы уже говорили на эту тему.

Герман (продолжая прислушиваться, поднимает руку). Эй, пожалуйста, потише. Что там такое?

Откуда-то доносится музыка, шум и веселые крики.

Герман. Смотри, весёлые нам попались тюремщики. Уже гуляют, Новый год отмечают. Ну а что мы сидим? Чем мы хуже их? У меня,

тут, было кое-то с собой (вытаскивает из сумки бутылку шампанского). Где-то я видел бокалы. Давайте, мы тоже устроим небольшой праздник. Похоже, что, раньше следующего года, мы домой не попадем.

Лариса. Это точно, у бандитов свой праздник (тоже вынимает из пакета бутылку вина), а у нас свой.

Депутат. Действительно, что мы будем здесь в тоске сидеть. (Берет стоящую возле своего кресла гитару и проводит пальцем по струнам). Умирать так с музыкой. У меня для новогоднего стола тоже кое-что найдется.

Марина (подходит к старенькому холодильнику ЗИЛ и открывает дверцу). Мы тоже к празднику готовились.

Холодильник магазина забит бутылками шампанского, водки, фруктами, банками с икрой и прочими продуктами.

Герман. Что ж, похоже, смерть от голода и жажды нам не грозит. Помогите мне поставить этот стол в центр.

Герман с Директором передвигают в центр сцены большой золоченный антикварный стол. Марина снимает с полок бокалы и тарелки. Народ выкладывает из пакетов продукты. Даже старик и старушка достали из сетки пакет с мандаринами. И скоро стол оказывается полностью заставленным бутылками и закусками.

Депутат (потирая ручки при виде этого богатства). Вот это да! Даже в Думе такой стол не часто встретишь.

Заложники пододвигают из темных углов сцены антикварные стулья и кресла. Света в подвале прибавляется. Более четко проступают контуры окружающих вещей, картин, русских самоваров и немецких касок, советских вымпелов и знамен, рыцарских латов, и они уже не кажутся столь зловещими, и страшенький интерьер подсобного помещения сразу переходит в разряд этакой слегка богемной обстановки. Да и в среде заложников обстановка потихоньку оживает, люди расслабились, прошла первая волна страха и народ с улыбками рассаживается за столом.

Герман (открывая шампанское). Давайте выпьем за знакомство и за прошедший старый год. Подставляйте бокалы.

Пробка с грохотом вылетает из бутылки. Шампанское пенится в бокалах и льется на стол. Народ чокается бокалами.

Марина. Вы уж потише, а то эти услышат (показывает пальцем вверх).

Депутат. Это точно (залпом выпивает шампанское), услышат и позавидуют! Какая все же прелесть встречать Новый год в приятной компании, а не в одиночной камере!

Марина. Вы сидели в тюрьме?

Депутат. Да у нас пол страны пересидело. А вилки у нас есть?

Марина. Тарелки здесь были, а вот приборы у нас все наверху.

Старушка. Вилки у нас есть (вытаскивает из сумочки столовые приборы и выкладывает на стол).

Депутат (берет одну из вилок и рассматривает ее). **Красивая монограмма, как у моей жены. Я что-то подобное искал в подарок. Продаете?**

Старушка смотрит на старика. Тот пожимает плечами.

Депутат. Я хорошо заплачу. Тут и оценщик рядом (протягивает вилку антиквару). **Как вы думаете, сколько за них можно дать?**

Директор (берет вилку и рассматривает со всех сторон, как будто видит ее впервые). Ну, что можно сказать? Восемьдесят четвертая проба, дореволюционное изделие, вес под девяносто грамм. Состояние прекрасное, хорошо выполнена монограмма с золочением. Сейчас такую и за сто баксов не сделают. Кстати, не забудьте, вы хотите совершить сделку в помещении антикварного магазина...

Депутат (перебивает его). Ладно, хватит жмотиться, будут вам ваши десять процентов. Хотя за оценку и пяти хватило бы. Тем более что мы по вашей вине в эту идиотскую историю влипли.

Директор (продолжает). В общем, по два доллара за грамм. Примерно сто восемьдесят за прибор, и на двенадцать, получается...

Депутат (не дает закончить фразу антиквару и обращается к старушке). Короче, даю две штуки.

Старушка (не поняв, переспрашивает). **Две штуки чего?**

Депутат. Ну не тухлых же баксов. (И видя, что старушка все еще не понимает его, «расшифровывает»). **Две тысячи евро. Прямо сейчас.**

Старушка вначале смотрит на Старичка, но тот вновь пожимает плечами, затем на антиквара.

Директор кивает головой.

Депутат (вытаскивает пухлый бумажник, отсчитывает Старушке деньги, кладет две банкноты по сто евро перед антикваром и берет со стола бутылку водки). **Все, сделка совершена, можно начинать пиршество. Кому водки? И поосторожней с моими вилками, не скребите по тарелкам и не царапайте зубами.**

Лариса берет в руки гитару и начинает перебирать струны.

Депутат что-то шепчет Марине на ухо, похоже рассказывает анекдоты, и она тихонько смеется.

Все остальные заняты поглощением закусок и разговорами.

Свет потихоньку гаснет.

И сквозь переборы гитары слышится постепенно затихающий голос Старичка обращаящегося к Герману.

Старик. Вы знаете, я еще ребенком видел ужас революции и НЭП, и был я богат, и беден, и сидел в лагере, и строил Беломорканал, и входил вместе с танками в Берлин. Самое страшное забывается, память сохраняет только забавные моменты, и это потом дает нам силы жить и верить. И о чем бы я еще вспоминал сейчас, на закате лет, сидя в старом кресле. Ибо все могут отобрать у нас власть имущие, кроме того, что мы не носим за спиной – наших знаний и воспоминаний. И не золото и деньги, а

именно это главное богатство в этой жизни. Давайте воспринимать любые приключения в нашей жизни как некую Благость Господню, радоваться что он не забыл нас, посылая всевозможные испытания, в том числе и это. Я считаю, что нам повезло жить в такое время. Историки еще нам обзавидуются...

Конец первого акта.

Второй акт.

5. Сцена пятая.

Все тот же подвал. Заложники сидят за столом, как и в конце первого акта.

Перекупщик. Хорошо сидим. Я уже соскучился по старым, застойным временам, когда можно было спокойно собраться на кухне или на даче небольшой компанией, поговорить о литературе и потравить политические анекдоты про Брежнева.

Депутат. А утром с похмелья, со страхом ждать звонка в дверь, заложил тебя кто-нибудь или нет.

Перекупщик. Надо было просто знать, с кем пить. Стукачей у нас в институте каждый знал в лицо.

Герман. Мне сейчас, оглядываясь назад, тоже изредка кажется, что нравилось жить в эпоху застоя. Было этакое, подернутое ряской, болото. Все казалось незыблемым, ничего не менялось. Присутствовало ощущение какой-то константы, чего-то постоянного, которое сейчас мы утратили.

Депутат. А, может, вы хотите вернуться обратно?

Герман (*улыбнувшись*). Дважды, в одну и ту же воду? Нетушки, без меня.

Депутат. Кстати, о стукачах. Во многих цивилизованных странах к этому относятся довольно спокойно. Там принято ставить в известность власть о подозрительном поведении своих соседей.

Герман (*все так же, с улыбкой*). Похоже, первого стукача в своих рядах мы уже вычислили. Попрошу в его обществе воздерживаться от политических анекдотов.

Депутат. Вы зря так к этому подходите. Общество должно защищать себя от всевозможных уголовных элементов, террористов и анархистов, разрушающих сам институт государства, призванный защищать добропорядочных граждан.

Герман. Ладно, давайте сегодня обойдемся без политики. Посмотрите на все эти вещи, некогда они были символами неких политических идей. И что с ними стало? Все они оказались на свалке истории.

Перекупщик. Один классик мудро заметил, оглядываясь на прошлое, мы вечно спотыкаемся о будущее.

Депутат (*машет рукой*). Да ну вас. Вы так ничего и не поняли.

6. Сцена шестая.

Марина. Вы слышите? Там кто-то стучит (*показывает на плакат, прикрывающий люк*). Может, это милиция?

Директор магазина подходит к люку, отодвигает плакат и щеколду. Люк распахивается и из него, вместе с облачком снега, появляется *Новый русский*.

Новый русский (стряхивая снег с шапки). Ну и метель разыгралась. (Обернулся и протянул руку в люк). Девушки, не стесняйтесь, проходите.

Вслед за ним из люка появляются две девушки в элегантных шубках.

Депутат (оживившись, тут же подхватывает два стула и ставит к столу). Присаживайтесь. Разрешите ваши шубки.

Марина (обращаясь к Новому русскому). Вы же собирались в Лондон.

Новый русский. Да, что-то мне расхотелось ехать справлять Новый год за бугор. Все одно и то же. Приелось. В общем, подумал я об этом и завернул в знакомый ресторан, а и там одни и те же рожи. Скучотища страшная меня обуяла, решил вернуться к вам.

Лариса. А почему вы не позвонили в милицию или не сообщили, куда следует, о захвате заложников?

Новый русский. Вы же знаете наших ментов, да они ворвутся сюда в грязных сапогах, все выпьют и сожрут, да еще морды нам начистят, за то, что им Новый год испортили. Хорошо, если сразу не пристрелят.

Перекупщик. Это точно. У меня один знакомый до сих пор в инвалидной коляске катается, после одного из таких освобождений.

Новый русский. Да вы и сами не хотели отсюда уходить. Я подумал, что вам нравится это приключение. Этакое проявление русского менталитета.

Герман (улыбнувшись). Вы, наверное, хотели сказать - мазохизма...

Новый русский (оглядев стол). Я смотрю, вы тоже время зря не теряли. Но пора смены блюд. (Делает широкий жест рукой и кричит в люк). Эй, там, давайте, заносите!

Заложники буквально застыли от удивления с широко раскрытыми глазами и ртами, когда из люка один за другим вдруг начали появляться официанты в красных русских рубашках навыпуск и с полотенцами через руку. Они держали перед собой огромные серебряные подносы, блюда с крышками, ведра со льдом и бутылками шампанского. Половые мгновенно очистили стол, накрыли его белоснежной скатертью, блюда заняли свои места в центре стола, в канделябрах вспыхнули свечи и отблески свечей заиграли на гранях хрустальных графинов.

Новый русский. Чтобы не ошибиться в количестве, я взял приборов побольше, а вот про тарелки забыл.

Марина. Об этом можете не беспокоиться. (Обращается к Ларисе). Помогите мне, пожалуйста.

Они начинают снимать с полок посуду и шикарные старинные тарелки.

Новый русский. Вот черт, вилки у вас были, можно было и не брать. (Берет одну со стола). Какие шикарные! Я такие же хочу.

Депутат. Опоздал (забирает вилку у Нового русского, сгребаёт остальные в кучу и прячет в карман), уже все куплено и оплачено.

Директор. Надеюсь, вам не надо напоминать дорогие наши гости и товарищи по несчастью, что все сие предметы, пока не проданы, принадлежат нашим комитентам, и висят на мне, поэтому попрошу обращаться с ними поделикатней.

Один из половых протер полотенцем собранные *Мариной* и *Ларисой* тарелки, другие официанты быстро расставили их на столе и разложили принесенные с собой приборы. Закончив с сервировкой стола, официанты выстроились вдоль стены в одну шеренгу.

Новый русский вручил старшему из них пачку долларов и официанты по одному, так же молча, как пришли, исчезли в люке.

Новый русский (кричит им вслед). Если меня будет спрашивать *Соловьев*, скажите, что я здесь. Пусть заходит, но только без своих хохмочек, мы же как-никак заложники, нас и пристрелить могут.

Герман. Почему же ты все-таки не уехал и вернулся? Разница во времени как минимум часа четыре. Ты бы успел.

Новый русский. Да успел бы, конечно. Просто по дороге заглянул в свой ресторан, выпил водочки, потом еще. Затем подумал, пошла вся эта заграница в одно место, что я там не видел. Скучно там. Толи дело у нас. Там, может, чище и цивилизованней, а здесь - интересней. Да и что я там буду делать, страдать ностальгией в каком-нибудь Тель-Авиве, Лондоне или Нью-Йорке по нашим просторам и русскому размаху? А я еще здоров, и здесь у меня есть возможность со своей энергией и бабками, поучаствовать в строительстве новой страны. Эта гребаная заграница еще попросится сюда, гражданство получать, и будем мы заселять ею наши сибирские пустоши и Чукотку. Земли у нас много. Пусть пахут на нас и славу России.

Герман. Нет, точно, все мы в этой стране мазохисты!

Новый русский. Конечно! А все наши правители - садисты. Так что мы друг друга стоим. И вообще, бегут с корабля и Родины только крысы, а их нигде не любят. (Обращается ко всем). Давайте за стол, а то я уже проголодался, да и горло пересохло, выпить хочется.

Марина (садясь за стол). Говорят, как встретишь Новый год, так и его проведешь.

Герман. Тогда, похоже, в будущем году нам скучать не придется.

Все шумно рассаживаются за столом.

Лариса (смотрит на разложенные рядом с тарелками приборы и берет одну из фигурных вилок и нож). Боже, сколько их здесь. Что ими есть?

Герман. Давайте не будем комплексовать, тут все свои и родом из «совка», и каждый будет есть любым ему удобным способом, не придерживаясь «столового протокола». Тем более, что у каждой страны и рода-племени, даже человека, он свой. К примеру, один из моих знакомых утверждает, что не испытывал

большого кайфа, чем поглощать руками рябчиков, сидя в полусогнутом состоянии под банкетным столом в Кремле. Ладно, я что-то разговорился, давайте поднимем бокалы и возблагодарим Всевышнего за это изобилие на нашем столе.

Заложники пьют и приступают к трапезе.

Новый русский (выпив и отломив ножку от курицы). Знаете, а в этом что-то есть. Не завалиться ли мне, по приезду в чопорный Лондон, со своими коллегами по бизнесу в самый дорогой ресторан, заказать пару огромных подносов перепелов, три ящика лучшего шампанского, сдвинуть все столы в центр зала и попросить накрыть под ними. Посмотрю, как у этих бургеров вытянутся рожи. Только куда они без моего газа и дешевого алюминия денутся? Как миленькие под стол ползут. И руками хавать будут. А то меня тоже, от их вилок и ножей, каждый раз в холодный пот бросает, как бы ложкой для салата в мороженное не залезть.

7. Сцена седьмая.

Перекупщик (показывает вилкой на люк). Опять к нам кто-то стучится.

Новый русский (раздирая руками курицу). Так, открой, раз просят. Новый год же, никого нельзя обижать.

Перекупщик встает и открывает люк.

Из него появляется *Соловьев*, приятель *Нового русского*, а следом за ним *Иностранец*, официант с корзиной и *цыгане* с гитарой и скрипкой, которые тут же начинают играть.

Соловьев (музыкантам). Играйте потише, мы же здесь с тайной миссией. (И уже обращаясь ко всем). Что-то нам стало скучно, решили сходить к вам в гости. Я, по-первости, сунулся прямо в парадную дверь, но меня там охрана не пустила, сказали, что магазин закрыт, частная вечеринка. Хорошо, что мы официанта прихватили, он и показал, откуда заходить. Так что мы не с пустыми руками.

Официант снимает полотенце, накрывающее корзину, и ставит ее на стол. Из корзины торчат горлышки бутылок, хвосты ананасов и прочая снедь.

Соловьев. Знакомьтесь, это... (Обращается к *Иностранцу*). Как вас?..

Иностранец (с небольшим акцентом). Хейнрих Карлович.

Соловьев. Так вот, Генрих Карлович из Швейцарии. Он коллекционер и очень хотел бы увидеть русский подпольный аукцион. Я сказал, что вы ему покажете.

Депутат. Покажем, обязательно покажем. Скидывайте свои шубейки в угол, берите стулья и подсаживайтесь. Скоро Новый год, а мы еще и за старый год, как следует, не выпили.

Герман. В какой хорошей стране мы живем, можно отметить католическое Рождество, Новый год, затем православное Рождество,

затем старый Новый год, затем китайский, восточный и буддийские. И еще какой-нибудь.

Лариса (чокаясь с ним и улыбаясь). Надеюсь, что наше заключение так долго не продлится. Хотя...

Иностранец (сев за стол). Так мне все это напоминает старые времена, когда я, вот так же, с большими предосторожностями, пробирался в мастерские или на закрытые выставки и покупал картины молодых русских художников.

Депутат. И этот, про старые времена. (Наливает *Иностранцу*). Давай лучше выпьем водочки. Нет ничего лучше, с русского морозца.

Герман. Вспомнил хороший анекдот про коллекционеров. Покупает один собиратель картину Брюллова и отдает ее реставратору почистить от позднейших записей. Через несколько дней тот звонит коллекционеру и говорит, что дошел до портрета Сталина, чистить дальше или остановиться на нем?

Депутат и *Иностранец* весело смеются над анекдотом.

Лариса. Что здесь смешного? Я ничего не поняла в этом анекдоте.

Герман (улыбаясь). А тебе это надо?

8. Сцена восьмая.

Дверь в подвал из зала магазина распаивается. В светлом проеме показывается темная фигура бандита.

Помощник главаря (кричит в подвал). Эй, вы, что расшумелись!? (Только тут он замечает, что в подвале не все ладно и оборачивается). Шеф, идите сюда, посмотрите, что они тут устроили.

В проеме появляется еще одна фигура. Главарь с помощником, с пистолетами в руках, медленно спускаются в подвал. Все уже «под шифе». Цыгане наяривают на гитаре и скрипке. Никто не обращает на них внимание.

Помощник главаря (удивленно крутя головой). Шеф, я чего-то не пойму. У меня сейчас крыша поедет. Да их же здесь в десять раз больше, чем мы загрузили. Кабак успели открыть! Дай, стрельну!

Главарь (похоже, что он был озадачен не менее своего помощника). Успеешь, надо разобраться.

Тут основательно выпивший *Новый русский* замечает бандитов и с бокалом руке устремляется к ним.

Новый русский (останавливается перед главарем и кричит на весь подвал). А вот и организаторы нашей замечательной вечеринки! Давайте выпьем за них! Без них мы вряд ли собрались бы здесь такой дружной компанией.

Сидящие за столом гости и заложники оборачиваются к бандитам и с радостными криками поднимают бокалы.

Соловьев протягивает фужеры с шампанским и бандитам. Те мгновенно оказываются в центре внимания и судорожно начинают засовывать пистолеты за пазуху. Помощник главаря все ни как не может трясущейся рукой попасть пистолетом в кобуру.

Главарь (с бокалом шампанского подходит к *Директору*). **Что здесь такое происходит?**

Директор (пожимает плечами). **А я знаю?**

Главарь. **Но вы же директор магазина.**

Директор. **Нет, директор пока здесь вы.**

Главарь залпом выпивает шампанское и отходит к своему помощнику.

Помощник главаря. **Что делать будем?**

Главарь. **Ждать хозяина и денег. Если бы они хотели отсюда свалить, то давно бы это сделали, да и нас сдали бы.**

Помощник главаря (задумчиво). **Да, точно. Но все равно мороз по коже.**

Иностранец (осторожно дотрагивается до рукава *Соловьева*). **А когда начнется аукцион?**

Соловьев (стучит вилкой по графину и кричит, стараясь перекричать всех и цыган.) **Все, все! Прекращаем базар, начинаем благотворительный аукцион! Чур, я ведущий! Рассаживайтесь удобней и не забывайте о десяти процентах аукционеру, иначе выставим из зала на улицу, как Остапа в «12 стульях».**

Как ни странно, но народ послушно начинает рассаживаться в полукруг.

Соловьев. **И, так, лот первый! (Поднимает первый попавшийся под руку стул.) Стул из дворца! Стартовая цена – сто баксов!**

Директор (испуганно хватается его за рукав). **Да вы что, этот стул стоит не меньше полутора тысяч долларов!**

Соловьев (подмигивает ему и вполголоса). **Все нормально, если будет меньше, я оплачу разницу, если больше, делим прибыль пополам. (Продолжает). Итак, сто долларов! Кто больше?**

Пауза.

- Двести! – Раздается из первого ряда зрительного зала.

(© Эта реплика достается зрителю вместе с билетом в первый ряд. Шутка).

Тут подключаются и действующие лица на сцене.

Депутат (первым поднимает руку). **Триста!**

Соловьев (начинает считать по поднимающимся по очереди рукам). **Четыреста! Пятьсот! Шестьсот! Семьсот!**

Помощник главаря (тоже поднимает руку). **Тысяча!**

Главарь (тут же одергивает помощника). **Ты что делаешь? Мы что за этим сюда пришли?**

Депутат. **Тысяча двести!**

Соловьев (продолжает считать по рукам). **Тысяча триста! Тысяча четыреста!**

Депутат. **Что там торговаться. Две тысячи!**

Соловьев (подмигнув *Директору*, берет протянутый им деревянный молоток и начинает отстукивать). Две тысячи – раз! Две тысячи – два! Две тысячи – три! Продано господину депутату! (Улыбаясь, поворачивается к *Директору*). Ну, вот, а вы боялись. Что тут у вас еще неликвидное было?

Тут дверца люка вновь распаивается и впускает новую порцию посетителей, на этот раз с камерой и осветительной аппаратурой.

Соловьев. А вот и телевиденье прибыло! Подвиньтесь и освободите место для прессы!

Главарь (наконец подходит к *Соловьеву*). Ну, хватит! Прекращайте этот балаган!

Соловьев. Чего это вы здесь раскомандовались?

Герман (приходит ему на помощь *Соловьеву*). По-моему, у вас, как и у каждого второго правителя и придурка с пушкой, мания величия, и с головой не то. Почему-то вы думаете, что вся страна у вас в заложниках и наложниках ходит. А это совсем не так. Это вы в наших руках, и мы, в любую минуту, можем сделать с вами все, что нам заблагорассудится, порвать на части. Пример Николая Второго и Муссолини, вздернутого вверх ногами, должен послужить вам холодным душем и уроком. Много вас таких было, даже могилки не осталось.

Соловьев. Точно. Садитесь, и не мешайте, или выметайтесь отсюда, ибо, по правилам нашего торгового дома, лицо, мешающее ведению аукциона, должно покинуть торговый зал. И не забудьте улыбнуться камере, вас снимают.

Помощник главаря. Шеф, дай я ему врежу по морде.

Главарь. Заткнись!

Соловьев. Итак, мы продолжаем аукцион! Лот второй!

Директор протягивает ему безголовую фигурку пионера.

Соловьев. Это еще что такое?

Директор. Сами сказали – неликвидное.

Соловьев (слегка покашливает). М-да, это что-то. Но раз сказал... (Обращается к публике). И так, лот второй! Фигурка пионера с отрубленной головой. Двадцатые года, двадцатого века. Любимая игрушка Аллилуевой. Голова у пионера, по личной просьбе генералиссимуса, самолично отрублена саблей маршалом Буденным на ближней даче Сталина. Свидетельство о подлинности выдаем, не отходя от кассы! Сто рублей! Кто больше?

Народ начинает поднимать руки.

Соловьев. Двести! Триста! Четыреста! Пятьсот!

Иностранец. Тысяча!

Депутат (поднимает вилку с огурцом). Десять тысяч!

Соловьев. Десять тысяч – раз! Десять тысяч – два! Десять тысяч – три! Вновь продано господину депутату!

Депутат. Нечего этим иноземцам наши культурные ценности отдавать. И так, всю России скупили. Где свидетельство о подлинности?

Соловьев. Сейчас сделаем. (Обращается к антиквару). Есть у вас бумага?

Директор. Найдем, даже, того периода.

Тем временем дверь, ведущая в зал магазина, вновь открывается и еще один бандит спускается в подвал, изумленно оглядываясь по сторонам. Никто не обращает на него внимания.

Бандит (подходит к Главарю). Возле дверей выстроилась целая очередь, все ломятся сюда, спрашивают, почему так рано закрывают?

Главарь. Пошли их к черту, у нас здесь не кабак, а приличное заведение. То бишь, скажи, что здесь частная вечеринка, вход по приглашениям.

Бандит. Так они, как раз, всякие приглашения и депутатские удостоверения суют.

Главарь. Вот страна! Кто-то уже успел и сюда приглашения тиснуть, и продать! Гони всех отсюда!

Бандит. Да их там человек сто! Может, ментов вызвать?

Главарь. Ты что! У тебя совсем хреново с башкой?

Бандит. Да, там еще один крутой, все в дверь ломится, говорит что хозяин. Что с ним делать? Сюда привести?

Главарь. Почему, сразу с этого не начал! Пошли наверх.

Главарь с бандитом поднимаются в торговый зал магазина.

Пока происходит диалог между Главарем с бандитом, Соловьев что-то пишет на листе бумаги принесенном Директором магазина.

Остальные пьют и закусывают.
Цыгане играют веселую еврейскую мелодию.

Соловьев. Так, свидетельство о подлинности готово. (Он протягивает лист Старичку). Подпишите, как единственный здесь свидетель существования той эпохи.

Старичок (улыбнулся). Кстати, я умею подписываться как Коганович. Однажды мне это пригодилось, и я спас школьному другу жизнь, правда, ненадолго.

Соловьев. То, что нужно. Подписывайте.

9. Сцена девятая.

Дверь в подвал вновь распаивается, на пороге вырастает бандит.

Главарь. Все свободны! Хозяин принес долг. Можете расходиться.

Депутат. Вот сволочь, такой праздник поломал!

Новый русский. Точно, весь кайф испортил. Но все равно это мой лучший Новый год за последнее время. Поехали ко мне на Рублевку догуливать.

Соловьев (разливает водку). Давайте вначале по рюмочке, на дорожку!

Депутат (сует всем визитные карточки). Заходите, звоните, все сделаю.

Происходит обмен визитками, рвутся страницы из записных книжек, записываются номера телефонов и раздаются бывшим заложникам.

Лариса (чокаясь с Германом). Хорошо, что так закончилось, а то у меня от пережитого страха чуть груди из бюстгальтера не выскочили.

Герман. Хотел бы я попридтиствовать при этой сценке. Едем на Рублевку?

Лариса. Нет, мне хватит приключений, меня муж с матерью ждут. Обзвонились в поисках меня, наверное.

Главарь. Господа, прошу освободить помещение, магазин закрыт!

Новый русский. Все ко мне, на Рублевку!

Депутат. Цыган надо взять!

Народ потянулся к лазу, и по одному, со смехом, поддерживая друг-друга, начали исчезать в нем.

Директор. Господа, может, воспользуйтесь дверью?

Депутат (обернулся в люке, прежде чем исчезнуть). Нам так сподручнее.

10. Сцена десятая.

Сцена опустела, свет медленно гаснет. Интерьер магазина потихоньку начинает исчезать в темноте, начинает идти снег.

На сцене остаются лишь в освещенном круге *Старик* со *Старушкой*.
Начинает дуть ветер, он метет по сцене снег.

Старик (кутается в воротник длиннополого пальто). Ну вот, поговорили и разбежались, и до нас им больше дела нет.

Старушка. А что ты хочешь, они же молоды, спешат узнать и понять эту жизнь, а мы с тобой уже старики. Пока им это не грозит и мы им не интересны. Пошли, тебе уже пора спать, да и лекарство ты еще не принимал.

Старик. Да, да. (Думая о чем-то своем). Мы уже в конце своего пути. Нам все трудней и трудней. Им нас не понять, да и нам их тоже. Помнишь, я говорил, что нам надо уезжать из этой России.

Старушка. А как же...

Старик. Ты знаешь, я, наверное, только теперь, посмотрев на нашу молодежь, понял, почему мы так никуда и не уехали. И правильно сделали, и у наших внуков будет настоящая Родина. Всем нужно жить там, где они родились. Эта молодежь сильнее нас, и они сделают для своей отчизны больше, чем мы. (Пауза). Правда, про стариков они опять забудут.

Старушка. Ты ошибаешься. Они оставили визитки.

Старик. Как после поездки в поезде, в хорошей компании. Все клянутся в вечной дружбе и любви (берет визитки и странички с телефонами из ее руки, рвет их на части и подбрасывается в воздух), а через пять минут забывают даже имена собеседников.

Обрывки визиток подхватывает ветер, и они смешиваются с падающим снегом.

Где-то вдали слышится цыганская скрипка и гитара, да еще хлопки, не то салюта, не то пробок из-под шампанского.

Старик. Зачем тебе эти бумажки, если у тебя есть я? Разве я когда-нибудь тебя подводил? У нас с тобой семья, а в этой, и не только нашей жизни, именно она помогла нам выжить и, даже, пережить не одно государство.

Старушка берет своего супруга под руку, и они потихоньку, под завывание ветра, уходят со сцены, растворяясь в темноте, своих воспоминаниях и вечности.

11. Сцена одиннадцатая. Финал.

Несколько вариантов финала пьесы для разных режиссеров.

А. Для режиссера жизнелюба и гуляки.

Звуки скрипки и гитары, приближаются и становятся все громче.
Звучит заводная цыганская песня.

На сцене, с противоположной стороны, куда ушли *Старик* и *Старушка*, появляются веселящие заложники и гости с цыганами. Кто-то пританцовывает в такт мелодии. С громким хлопком вылетает пробка из бутылки с шампанским. Кто-то смеется, кто-то размахивает бенгальскими огнями, кто-то стреляет из хлопушки.

Заложники, гости и цыгане весело проходят по сцене и исчезают за кулисами, вслед за *Стариком* и *Старушкой*.

Один из гостей останавливается и говорит в зал:

**- А вы чего сидите, поехали с нами. Гулять, так гулять!
Халява!..**

В. Для режиссера пессимиста.

Все двери в зал резко открываются и по рядам, с оружием в руках, идут люди в черных масках с прорезями для глаз.

- Всем оставаться на своих местах! Театр захвачен!

И спектакль начинается вновь, со Второй сцены, и уже в зале...

С. Для режиссера лентяя.

Финалом является десятая сцена.

Конец.